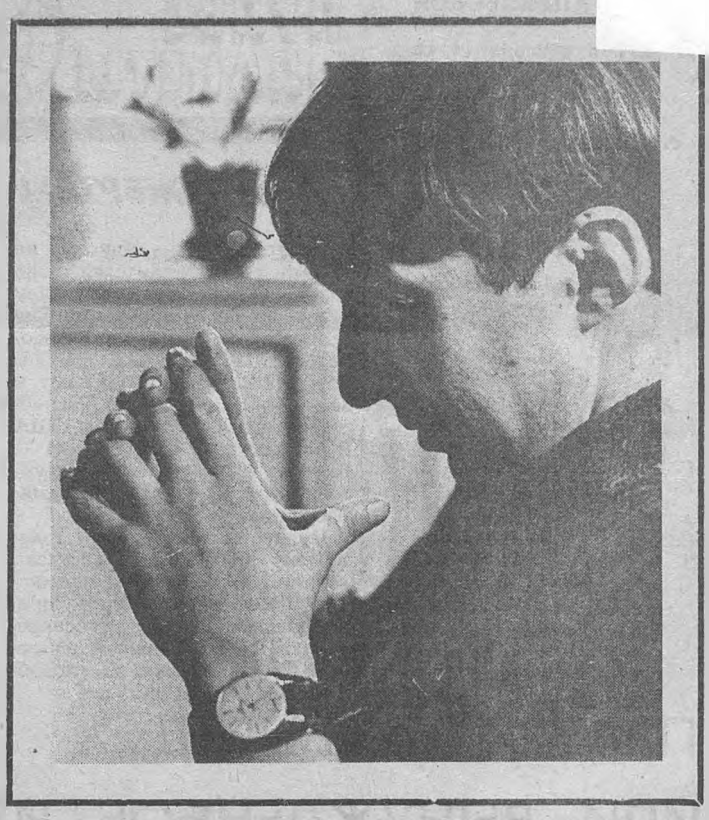
КОМСОМОЛЕЦ
г. Ереван
26 АПР 1938
КОМСОМОЛЕЦ



ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ

Он находился на гастролях в Туле. Чтобы работать с ним над сценарием, я поехал к нему. Прибыл в воскресенье. В гостинице мне сказали, что он в цирке. Пришел в цирк — сказали, что он на манеже. Направился на манеж и увидел его работающим. Мы встретились, обменялись двумя словами и он позвал администратора:

— Вот Лаэрт Вагаршевич, знакомьтесь. Как было сказано, поселишь его в мой номер, — повернулся ко мне, — у меня две комнаты. Отдохнешь, вечером приходи на представление. ...Леню я смотрю на манеже с большим удовольствием. Как мне кажется, он феномен, человек исключительного пластического таланта, глядя на которого еще раз поражаешься поистине фантастическим возможностям человеческого тела. Когда он делает немыслимо трудный номер, думаешь: «Вот, на что способен человек!» Причем делает с легкостью необыкновенной, и когда при всем этом номера он выполняет еще и с юмором, тогда изумляешься щедрости природы, одарившей одного человека столь разными и редкими талантами.

Первый раз я видел его в Ереване в программе цирка «Ереван» — обычные клоунские номера перемежались этюдами, которые я бы назвал философскими. Делал он, например, этюд «Жизнь человека»: отбивая ногами ритм времени, он показывал жизнь человека с пеленок и до самой смерти. И все это за две минуты с небольшим. Исполнял выразительно, пластически виртуозно.

Выступал он, как и всегда, без традиционного клоунского грима, и открытое лицо придавало его исполнению человеческую доверительность, идее этюда — достоверность.

Вскоре искусство Енгибарова начало увлекать меня. Я подумал, что с Енгибаровым можно сделать фильм о том, как «сверхчеловек» не может найти в жизни применения своим возможностям.

Новый толчок к созданию фильма я получил на Всесоюзном кинофестивале в Киеве, куда режиссер Лисакович, автор документального фильма о Енгибарове, привез его, чтобы снимать в среде кинематографистов. Тогда Леня сказал мне, что и он сам работает над сценарием для себя, и мы договорились объединить наши усилия.

В связи с доработкой первого варианта сценария я и приехал к нему в Тулу. После вечернего представления мы с Леней пошли в гостиницу. О сценарии не говорили: решили работать над ним утром на свежую голову.

— Много работаешь, Леня, не надоедает?

— Нет. Работаю с удовольствием. Но, правда, устаю. Иначе нельзя: в любое время дня я должен быть готов — и духовно, и физически — делать свои номера, выдумывать новые и исполнять их в нужном настроении. Так я живу все время. Все время. Причем выдумываю я гораздо больше, чем успеваю отработать, претворить. Вот в этом моя драма. Фантазия у меня богатая, обуздать ее не могу — легко выдумываю номера. Но когда их не осуществляю, тяжелой гирей они давят на мозг, на нервную систему. Эту тяжесть выдерживать трудно. И стараюсь непременно осуществлять замыслы, чтобы высвободить себя из-под бремени неосуществленного.

С другой стороны, времени на претворение новых номеров у меня очень мало. Я выступаю почти каждый день, по воскресеньям — и днем, и вечером. А в период школьных каникул днем мы даем два представления. Сегодня я выступал три раза.

Каждое мое выступление — 20 рублей. Сегодня я заработал 60 рублей. Бывает, что за месяц получаю только за выступления 900 и более рублей. Казалось бы, материально куда лучше, но я отдаю при этом, в прямом смысле слова, свои жизненные силы. Но так уж я заведен, и остановиться не могу. Не могу. Скорость моей жизни такова. Замедлить ее, значит сорваться. Кости переломать. Об этом я написал новеллу. Кстати, прочту тебе несколько новелл, они небольшие. Ты в состоянии сейчас слушать?

— Пожалуйста, прочти, послушаю с удовольствием. Это приятная новость, что ты занимаешься еще и литературным трудом.

— О, это для меня отдушина: освобождаю себя от «тяжелых дум». Пишу, потому что накопившиеся мысли требуют выхода, и когда пишешь, вроде в единоборстве с жизнью наносишь удар... или лучше сказать, ускользаешь из-под ее ударов. Литературный труд имеет удивительную особенность. Занимаясь им, будто разрешаешь проблемы жизни, которые тебя мучают. И когда удается в новелле, скажем, показать, объяснить и образно представить какие-либо проблемы жизни, бытия, то приходит к тебе духовное облегчение. Великолепное средство духовной тренировки. Человек при этом как-то совершенствуется.

До этого у меня не было повода говорить с Леней о столь глубоких вещах, и сейчас я был приятно удивлен. Новеллы, которые он прочитал мне, были очень небольшими по размеру. Это — литературные концентраты, наполненные зарядом великолепной пластики (его область), юмором (его орудие) и (что удивило меня) глубокой мыслью, философией. Мне особенно запомнился рассказ о том, как жонглер, исполняя упражнение, думает о том, что булавы, которыми он жонглирует, живут именно потому, что им сообщается воля и любовь самого жонглера. Они живут только на лету. И ты, жонглер, должен подбрасывать их всегда точно и всегда красиво. Так они помогают и тебе жить точно и красиво. При этом, говорит далее автор, хоть ты и устаешь, мозоли вырастают у тебя на руках, сердце подтачивается, все равно ты должен выдумывать все новые и новые кружева полетов булав, создавать невероятные траектории этих полетов... Правда, эти траектории мелькают и исчезают, но они поражают зрителей невероятностью своей и вселяют веру в осуществление невероятного.

Кончив читать новеллу, Леня вслух начал «дорабатывать» ее. Между делом он сказал прекрасную фразу: «Эти три деревяшки (булавы) забрали у жонглера все, и он мечется между ними всю жизнь под барабанную дробь»...

Я понимал, что он хочет завершить работу над новеллой, освободиться от нее. И я, выражаясь цирковым термином, взял на себя «поддержку» Лени, который шел по канату литературного творчества, не защищенный страховочным тросом или сеткой.

Новеллы открыли для меня еще одно незаурядное дарование Лени, и я с радостью подумал, что природа этого удивительного человека действительно одарила множеством талантов и одарила щедро. Природа вместе с тем предрекала ему быть неспокойным, ибо все таланты так и клокотали в нем.

Я знал, что он был «парнем из Марьиной рощи». Марьина роща в годы детства Лени славилась в Москве как район чуть ли не самых заядлых беззаконников и хулиганов. И Леня, живя в этой среде со своей нежной натурой художника, пронес и сохранил чистоту души и свою мечтательность.

Став одним из заметных художников, он спешил. Природа так устроила его человеческий материал, что он не мог жить без творческого горения, не мог позволить себе отдохнуть. Он был таким еще и потому, что и люди не давали ему покоя. Где бы он ни был, в какой ситуации ни находился, его непременно просили показать что-нибудь, доставить удовольствие, и он выполнял любую просьбу, как добрый лев Бонифаций из известного мультфильма. Я сам был одним из потребителей его талантов. Когда он приезжал в Ереван, я приглашал его к себе домой (это удавалось после вечернего представления в цирке), и он, только что закончив работу клоуна-акробата-юмориста - эквилибриста-жонглера, в домашних условиях превращался в рассказчика и импровизатора: тут же сочинял и выполнял всевозможные номера... При этом он настолько «заводился», что иногда не успевал есть то, что было ему положено на тарелку. Однажды, указав на нетронутую Леней тарелку, мой сосед по столу — художник фильма, в котором он в те дни снимался в Ереване, Шакарян, — сказал мне:

— Поразительно: утром он готовит новую программу в цирке, вечером выступает на представлениях, днем в свободные часы снимается на натуре, а по ночам — в декорациях или идет в гости, вот как теперь. Во время съемок он в два часа раз съедает один бутерброд. И отдыха не знает. Откуда берется у него столько энергии?!

На Всесоюзном кинофестивале в Киеве он был гостем. И тем не менее почти все время работал. По программе предусматривались встречи участников фестиваля с трудящимися республики, экскурсии, пресс - конференции, беседы. Все это начиналось после утреннего завтрака и кончалось поздней ночью. И все это время Леня работал... Работал, как всегда, интересно, увлекательно, виртуозно. Уже в первые дни он завоевал всеобщую симпатию. Его зрителями были звезды советского и зарубежного кино, а также должностные лица — члены жюри конкурсов фестиваля. Леня развлекал всех и, казалось, не уставал. Он показывал импровизации в номерах и холле гостиницы, в кинотеатре, на улице — одним словом, всюду.

Помню поездку участников и гостей фестиваля в Канев, к памятнику Тарасу Шевченко. Поездка состоялась с утра на теплоходе. Плыли по Днепру несколько часов. И почти все это время Леня был в своей стихии. С первых же минут его стали окружать «зрители». Вскоре их количество так увеличилось, что видеть его уже не могли все желающие. Лене пришлось подняться на верхнюю палубу, превратив ее в своеобразную сцену. Лисакович с оператором сокрушались, что не захватили синхронную камеру. Великолепные остроты вызывали зачастую гомерический хохот присутствующих. И только лица хохочущих должны были передать юмор Лени зрителям будущего фильма.

Прибыв в Канев, мы — участники фестиваля — согласно программе встретились на стадионе с трудящимися района. После торжественной части состоялся концерт с участием кинозвезд. Выступал и Леонид Енгибаров. И опять он с легкостью необыкновенной завоевал зрителей, стал «гвоздем» программы. На обратной дороге в Киев все опять жаждали послушать, посмотреть Енгибарова, посмеяться! И Леня почти всю дорогу без устали показывал свое искусство...

Документальный фильм о Леониде Енгибарове Лисакович завершил вскоре после фестиваля. Фильм показали в Центральном доме кино. Конечно, снятый в рамках двух частей (двадцать минут) фильм, к сожалению, не мог передать ту атмосферу, которую создал Леня на теплоходе: киевский фестиваль был представлен лишь небольшим эпизодом. Фильм был посвящен творчеству Лени в целом, и в нем были показаны главным образом те уже отработанные номера, которые он исполняет на манеже цирка. Мы видели Енгибарова, выступающим, как всегда это кажется, легко, без натуги, без перенапряжения... А в финале фильма он показан сидящим у себя, в артистической уборной, утомленным, с трудом переводящим дыхание. Аппарат наезжает на его руку: она пульсирует, видны вздутые вены... Это — рука труженика, который всю жизнь работает с полным напряжением физических и духовных сил...

Лисакович сказал мне, что этот кадр подсказан Леней...

Перегрузка — современный термин. Леонид жил в перегрузках.

...Когда я узнал о смерти Лени, я был потрясен неестественностью случившегося: ведь ему не было и сорока лет! Потом я узнал, что умер он от сердечной недостаточности...

...С горечью вспоминаю: когда мы работали над сценарием, он импровизировал к отдельным эпизодам будущего фильма соответствующие номера — блистательные, енгибаровские, неповторимые...

Этим номерам не суждено было быть зафиксированными на кинопленке. Они так и растворились в воздухе и остались только в моей памяти...

Л. ВАГАРШЯН.

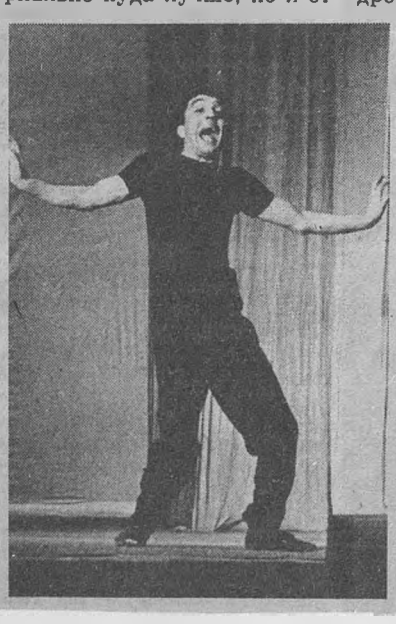
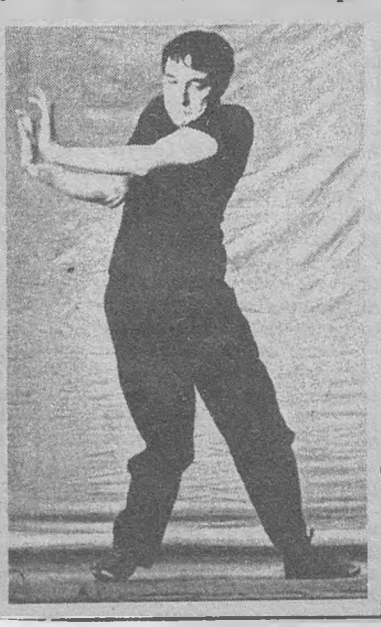



Фото **А. Кочара.**